

ЛУИС
МАРТИН-САНТОС

Перевод
Надежды Мечтаевой

ВРЕМЯ
ТИШИНЫ

Мне очень понравился этот роман... «Время тишины» — словно глоток свежего воздуха, замечательная попытка создания нового языка.

Марио Варгас Льюса

Большой роман (Аттикус)

Луис Мартин-Сантос

Время тишины

«Азбука»

1962

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Мартин-Сантос Л.

Время тишины / Л. Мартин-Сантос — «Азбука»,
1962 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-33174-7

Молодой пытливым исследователь изучает в лаборатории редкий штамм раковых клеток. Особые мыши, носители штамма, были присланы в Мадрид из самой Америки. Внезапно Педро обнаруживает, что мыши – кончились. Впрочем, горевать пока рано: Амадор, помощник-лаборант, как оказалось, успел продать несколько особей своему товарищу, обитающему в трущобах за городом. Педро и Амадор отправляются в путь, чтобы добыть драгоценных мышей... и затеряться в причудливом мире послевоенного Мадрида, который больше напоминает гротескный город из сна, чем реальный мегаполис. «Город без лица, воздвигнутый ни с того ни с сего посреди пустыни... задуманный без вдохновения, но устремленный в будущее... туда, где человек – это лишь уменьшенная копия города...» Впервые на русском – один из самых ярких испанских романов XX века, соединивший в себе литературные игры Джойса, Пруста и Фолкнера, традиции плутовского романа и гротескное воображение Гойи. Роман был переведен на 21 язык, а его суммарный тираж превысил 2 000 000 экземпляров.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-33174-7

© Мартин-Сантос Л., 1962

© Азбука, 1962

Содержание

1	7
2	12
3	15
4	16
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Луис Мартин-Сантос

Время тишины

Luis Martín-Santos
TIEMPO DE SILENCIO

Copyright © Luis Martín-Santos, 1962
Copyright renewed © The Estate of Luis Martín-Santos, 1981, 2022

This translation published by arrangement with Galaxia Gutenberg, S. L., Barcelona, Spain
www.galaxiagutenberg.com
All rights reserved

© Н. Ф. Мечтаева, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

1

Телефон звонил и звонил. Я снял трубку. Ничего не понял. Позвал:

– Амадор!

Толстогубый явился, и я передал ему трубку.

Сам смотрел в микроскоп, пытаюсь разобраться в том, что видел. Похоже, препарат не сработал. Рак. Однозначно. После митоза голубое пятно начало бледнеть.

– Эти лампочки тоже перегорают, Амадор.

Нет, не в лампочках дело: это он на провод наступил.

– Воткни вилку в розетку!

Продолжает говорить по телефону.

– Амадор!

Такой толстый, такой улыбчивый. Говорит медленно, смотрит на меня:

– Больше нет. Ни одной не осталось.

Мыши кончились! Передо мной портрет человека с бородой¹ – того, кто освободил иберийцев² от врожденного чувства неполноценности, от уверенности в своей полной неспособности к наукам. Неподвижный, он пытливо смотрит на меня, виноватого за нехватку подопытных мышей. Его понимающая и освобождающая от чувства неполноценности улыбка объясняет: недостаток средств. Бедный народ, бедный народ! Кто теперь может мечтать о том, чтобы получить заветную северную награду? Грезить об улыбке высокого короля, о всемирном признании, о благополучии мудреца, который ждет на своем засушливом полуострове, когда же умы и реки принесут плоды... Аномальные митозы, застывшие на предметном стекле, неподвижны, хотя митоз есть само движение.

Амадор кладет трубку, смотрит на меня, говорит:

– Все, конец.

И плотоядно улыбается.

– Ну и губищи у тебя, Амадор...

Иллинойский штамм, открывавший такие перспективы... Снова звонит телефон. Не обращаю внимания.

– Почему ты смеешься, Амадор? Над чем ты смеешься?

Да, я знаю, уже знаю. Мышей не осталось. Больше надеяться не на что, даже на человека с фотографии и на реки, которые вбирает море³. Можно построить плотину, и она задержит воду. Но как быть со свободным духом? С творческим началом? Что делать пытливому исследователю, чей острый скальпель проникает во все, что шевелится, и обнаруживает там то, чего никогда не видели иберийские глаза? Этот штамм раковых клеток был приобретен за иностранную валюту и доставлен из самого Иллинойса! И вот теперь мышей не осталось. Их нет. Амадор улыбается, слушая чей-то голос в телефонной трубке. Как мы вообще сможем что-нибудь сделать – неуклюжие, узколикие жители полуострова, чей мозг стал весить меньше из-за однообразной диеты, состоящей из бобов, гороха и овощей, почти при полном отсутствии белков? Есть только сало. Сало и каши. Для таких, как Амадор, способных смеяться, когда все так плохо; смеяться, зная, что без мышей штамма *MNA* ученому никогда, никогда не принять из рук высокого короля кубок, лавровый венок, зажженный факел, с которым он пробежал

---

¹ Имеется в виду Сантьяго Рамон-и-Кахаль (1852–1934) – испанский врач и гистолог, один из основоположников современной нейробиологии, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1906). – *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Иберийцы* – древний народ, населявший восточную и южную части Пиренейского полуострова.

³ Аллюзия на стихотворение испанского поэта Хорхе Манрике (ок. 1440–1479) «Строфы на смерть отца» (в переводе Н. Ванханен: «Наши жизни – это реки, // И вбирает их всецело море-смерть»).

бы мимо трибуны наций, утверждая величие своего народа, ведущего битву с тупым митозом, который растет и разрушает – как здесь, так и в Иллинойсе – нежную плоть дам в пременопаузе, когда периодически вытекающая из них кровь – уже не жизнь, а только обман. *Betrogene*⁴: смерть побеждена.

– Амадор, постой. Сними черную телефонную трубку, отдай приказ министру. Скажи ему, что исследование стоит того, чтобы купить ради него еще мышей. Перестань смеяться и прекрати наконец брызгать слюной – могут подумать, что ты плохо воспитан или дурачок.

– В войну мы ели крыс. По мне, они вкуснее кошек. Кошками я сыт по горло. Мы их много съели. Нас было трое: Лусио, Муэкас и я.

Белки для тех, кто недоедает. Когда мотонейроны мигрируют в кору головного мозга, у людей наблюдаются нормальные, но слишком редкие митозы. Эти мотонейроны из-за отсутствия необходимых веществ то ли малочисленны, то ли плохо расположены и закреплены, то ли развивают недостаточное количество отростков. Вот почему мы не способны раскрыть причины разрушительной неоплазии. Амадор разглядывает меня. Наверное, у меня смешной вид, поэтому он смеется. Я смотрю в оптический микроскоп – на электронный нет денег – и считаю эти чудовищные ядра. Амадор, уже в коричневом берете, но все еще в белом халате, идет в заднюю комнату, где воют три тощих пса, которые постоянно мочатся и ужасно воняют. Амадор, готовый покончить с псами, как он покончил с мышами, ждет моей команды, но я ее не отдаю. Я смотрю на него и жду, когда он скажет что-нибудь, что меня спасет.

– У Муэкаса есть мыши, – говорит Амадор.

Это все не то. Не всякая мышь – носительница раковых клеток. Не всякая мышь принадлежит к иллинойскому штамму, тщательно отобранному из шестнадцати тысяч штаммов в светлых лабораториях с кондиционерами и прозрачными стенами из стекла, заботливо оборудованных исключительно для того, чтобы обеспечить мышам счастливую жизнь. Несколько поколений мышей подвергались аутопсии, пока у одной из них не обнаружилась в паху маленькая опухоль, вызывающая загадочную спонтанную смерть, которая постигает не только животных. Страдают и светловолосые, среднего возраста женщины, в изобилии получившие белок, когда матери, шведки или саксонки, вынашивали их и кормили грудью. В школьные годы они тоже не страдали от отсутствия протеина. Красивые, но недалекие, с посредственным уровнем интеллекта и правильной миграцией нейроblastов. Упорядоченная конструкция из плоти и сложных липидов с электронным мозгом в центре, которая используется для подсчета митозов в прозрачных дворцах. И вот пожалуйста: этого изолированного штамма больше нет. Мыши, купленные на добытую с таким трудом валюту, доставленные из родного Иллинойса самолетом – кондиционированные боксы, самцы отдельно от самок, чтобы предотвратить неконтролируемые спаривания, – вымерли от нехватки витаминов. Они вымирали быстрее, чем размножались. Быстрее, чем размножались! Но Амадор смеется и повторяет:

– У Муэкаса есть мыши.

Муэкас приходил сюда. В это помещение, где воздух пропитан запахом непрерывно воющей собаки, которая не может мочиться, и поэтому вся жидкость у нее выделяется через поры. Поскольку у нее потеют только лапы, она использует еще и дыхание, вываливая язык. С тех пор как собаку прооперировали и поставили ей бедренную кость из полистильбена или поливинила, она жутко страдает; остается только радоваться, что поблизости нет увядающих, так никем и не востребованных, ни разу не получивших сексуального удовлетворения, не больных раком англосаксонских девственниц, которые со всей своей нерастраченной энергией обрушились бы на лабораторию от имени Общества защиты животных. Будь они здесь, мы лишились бы всякой возможности проводить исследования, для которых у нас нет даже самого необходимого. А значит, наши мечты повторить судьбу бородатого человека с фотографии

---

⁴ Здесь: обманута (нем.).

– оказаться рядом с высоким королем и неловко принять из его рук награду – стали бы не просто несбыточными, как сейчас; они стали бы смешными и нам самим казались бы нелепыми. Но кого волнует, что собаке больно, если людям на собственных матерей наплевать? Скорее всего, это исследование поливинила ничего не даст: умники в залитых светом лабораториях всех цивилизованных стран мира уже доказали, что поливинил отторгается жизненно важными тканями животного. Но кто знает, что способна вынести здешняя собака? Собака, которая не мочится, которую Амадор кормит одним лишь размоченным в воде сухим хлебом? Сравнительных исследований никто не проводил. Так что и у Муэкаса могут оказаться остатки штамма. Возможно, были случаи размножения, о которых знает только Амадор, или случались скрещивания с грызунами близкого вида. А вдруг результаты, полученные при работе с такими мышами, лягут в основу нового, еще более важного открытия, после которого шведский король наклонится к нам и заговорит на латыни или на ломаном английском, с произношением, совсем непохожим на произношение увядающих девственниц, и вручит Амадору – тому самому Амадору, одетому в полосатую пижаму, потому что фрак ему не по карману, – заветную награду? Муэкас тоже будет там – со своим штаммом, полученным после глубоких размышлений, расчетов коэффициентов, кроссинговеров и составления генетических карт. После имплантации хромомеров в слюнные железы и реимплантации в важнейшие органы, через которые передается жизнь. Амадор считает, что у Муэкаса есть то, что нам нужно, – *MNA*. Иллинойский штамм не полностью утрачен. Мышей, доставленных на четырехмоторном пропеллерном или даже на двухмоторном реактивном самолете – со специальной страховкой, со справкой из ветеринарной пограничной службы США, – Муэкас отвез в пустой коробке из-под яиц в свою лачугу, где две его дочери, шестнадцати и восемнадцати лет, ни одна из которых не была блондинкой и не получила адекватного питания в утробе матери, занялись разведением штамма. А значит, существовала вероятность появления новой теории: рак паховой области – это на самом деле рак подмышечной впадины, имеющий не эктодермальное, а мезодермальное происхождение. И смертелен он не только для мышей и крыс – две девушки, не блондинки, которым случайно ввели раковые клетки ввиду несоблюдения мер безопасности при работе с зараженными мышами, погибли из-за отсутствия качественной медицинской помощи: им не поставят правильный диагноз и они не будут вовремя прооперированы. А затем последует вскрытие – отец, в ужасе от мысли, что он, возможно, тоже заражен, даст на него согласие. И тогда под мышками и в паху, несмотря на то что обе погибшие – девственницы, обнаружатся разросшиеся плотные опухоли, источники токсинов, которые парализуют слабый мозг. В них (о чудо!) найдут вирус, без сомнения происходящий от иллинойского штамма. Вирус, который легко можно распознать даже с помощью убогих оптических микроскопов, которыми мы имеем возможность пользоваться благодаря бородатому человеку с фотографии. Вирус, который мы путем множественных интеракций вырастили в клетках яичника недокормленной девушки, чьей матери во время беременности не хватало белков: это вакцина, которую можно с успехом применять для лечения людей. «Ваше величество, уважаемые академики, дамы и господа! Начало нашему эксперименту – так же как это было с гениальным англичанином, обратившим внимание на разрастающуюся плесень⁵, – положила случайность...» Амадор уверяет, что украденный штамм – хороший, что это именно иллинойский штамм и что Муэкас украл самцов и самок исключительно с целью поддержать их генетическую чистоту, рассчитывая потом продать мышей лабораториям, где, как он знал, показатель их смертности был выше показателя рождаемости.

– Ты не понимаешь, что он вор? Как мы можем покупать у вора то, что он украл у нас же? И как может ограбленное учреждение втридорога выкупать то, что украдено у него, или то, что происходит от украденного (кстати, где гарантия, что это именно так)? Мы как-никак

⁵ Имеется в виду Александр Флеминг (1881–1955), открывший пенициллин.

живем в правовом государстве, где есть полиция и судьи и где каждый свободный гражданин имеет возможность донести на другого.

– Доказательств нет, – говорит Амадор. – Никто не докажет, что они краденые.

Доказать можно, если установить с помощью микроскопа, что опухоли в паховой области возникают спонтанно. Из всех имеющихся на полуострове штаммов только один наделен этим смертоносным свойством. Только он годится для исследований. Только он способен внезапно породить болезнь, ввергающую в отчаяние всю семью и обрекающую пораженного ею человека на физическую боль и прогрессирующую аутофагию, которая продолжается до самой смерти. Как получилось, что генетика, используемая подобным образом, начала ставить перед собой цели, совершенно противоположные тем, что ставили пионеры этой науки, – создание совершенного человека, победа над всеми наследственными аномалиями – и после того, как антибиотики справились с бактериями, произвела на свет отвратительную породу вирусов, отравляющих людей жизнь? Амадор не имеет об этом ни малейшего представления. Но его поражают удивительные возможности генетики, с их малозаметным, но важным побочным результатом: исследователям предоставляют жилье в государственных квартирах, и даже он, Амадор, получает ощутимую прибавку к своему ничтожному жалованью.

– К тому же нам от этого только польза. Иначе что бы мы сейчас делали? О мышах заботятся его дочери. Без них мыши давно подошли бы, а теперь они размножаются без остановки. У Муэкаса вся лачуга забита мышами.

Но почему мыши не умирают? Как недокормленной девушке удастся добиться того, что мыши выживают и плодятся? И почему они так быстро дохнут здесь, в лаборатории? Конечно, светлой ее назвать нельзя, и кондиционеров в ней нет, но все-таки она больше похожа на лаборатории Иллинойса, чем лачуга Муэкаса. Возможно, непрекращающийся жалобный вой – почти человеческие крики – собак с поливиниловыми бедренными костями раздражает нервную систему и влечет за собой слишком скорую, даже для зараженных мышей, смерть или, как минимум, потерю интереса к размножению? А может быть, дочери Муэкаса нежно любят этих мышей? Или они необычайно мудры и прозорливы? Может быть, природа наделила их особыми качествами и их миазмы вызывают у мышей неодолимое стремление к размножению, что приводит к появлению все новых и новых дефектных потомков? С ненавистью смотрю в микроскоп. Препарат вновь синее, и неподвижные митозы, застывшие в формалине, начинают демонстрировать волчий аппетит.

– Не уходи, Амадор, я еще не закончил.

– Ладно.

– Ты обязан оставаться со мной или с любым другим исследователем, пока мы не закончим работу.

– Ладно.

– И перестань долдонить про нормированный рабочий день. У меня, по-твоему, нормированный рабочий день?

– Нет, сеньор.

– И я еще не закончил.

Буду искать митозы дальше. Пока не найду. Или пока не выбьюсь из сил.

– Послушай-ка, – говорю я.

– Что еще?

– Скажи Муэкасу, чтобы принес своих мышей. Я посмотрю, действительно ли это тот самый штамм, и либо куплю их у него, либо заявлю о краже.

– Мыши у него что надо. Первый сорт.

– Тогда пусть принесет, и поскорее.

– Он не придет.

– Почему?

– На него уже заявляли. Заместитель директора тогда его выгнал. Это не в первый раз. Раньше были кошки. Им вставляли в голову провода и забывали о них. Муэкас брал этих животных и снова продавал. Однажды лаборанты вставляли кошкам в голову провода и обнаружили внутри старые, уже заржавевшие. Конечно, с мышами потруднее будет, потому что они мрут, что с ними ни делай. А кошки – нет. Кошки живучие. Только злые. Муэкаса покусали, а его дочери чуть глаз не выцарапали. Но они выживают.

– Хорошо. Скажи ему, чтобы пришел.

– Не придет он. Заместитель директора думает, что он уехал в Америку. Если он его здесь увидит, Муэкасу конец. Так что он теперь сюда ни ногой. А мышей я ему дал, ясное дело. Иначе откуда бы мне знать, что мыши у него правильные?

– Вот оно как.

– Тогда их много было. Хоть они и дохли каждый день. Это еще до того, как собаки с поливинилом с ума посходили.

– Получается, что тебя следует наградить?

– А то.

– Слушай, – говорю я.

– Да? – говорит он.

– Давай завтра сходим к нему. В его лачугу.

– Вот он обрадуется!

2

Есть города без лица, без исторической памяти, то и дело перестраиваемые своевольными правителями; ни с того ни с сего воздвигнутые посреди пустыни, вдали от моря или реки; почти не имеющие коренных жителей; с показной расточительностью тратящие свои скудные богатства; очастливленные невероятным небом, заставляющим забыть почти обо всех их недостатках; довольные собой, словно пятнадцатилетние девушки; предназначенные лишь для того, чтобы поднять престиж какой-нибудь династии, и в то же время полные таких сокровищ, что о богатствах, некогда пропавших втуне, можно и забыть; задуманные без вдохновения, но устремленные в будущее; нелюбимые аристократами⁶; населенные наглым, глупым, ленивым народом, но иногда вдруг – неизвестно почему – проявляющим героизм (так деревенский парень одним махом перепрыгивает реку)⁷; опьяненные собой (хотя то, что они пьют, не способно опьянить); необъяснимым образом бравшие верх над куда более могущественными иноземными городами с их величественными соборами, знаменитыми церквями и заколдованными дворцами (на каждый век – по дворцу, а то и больше); не умеющие говорить на родном языке с такой же ровной интонацией, как у тех, кто живет двумястами километрами севернее; удивляющиеся прибытию золота, которое может превратиться в камень, но, скорее, превратится в кареты, запряженные лошадьми в позолоченных черных пополах; страдающие от отсутствия еврейских кварталов⁸; населенные важными, серьезными людьми и простым, веселым народом; безразличные к природе – по крайней мере до тех пор, пока в других краях не изобрели электропоезд и кресельный подъемник; всерьез обеспокоенные вопросом передачи церковными судами своих полномочий светской власти; редко посещаемые истинными представителями нордической расы; изобилующие глупыми богословами при отсутствии выдающихся мистиков; полные куплетисток и авторов комедий нравов, комедий интриги, комедий плаща и шпаги, комедий кофе, комедий чести, комедий с прекрасной незнакомкой под покрывалом, низкопробных комедий, комедий французских салонов, комедий кафе, но не комедий дель арте. Города, где много двухэтажных автобусов, изрыгающих дым (чем чернее, тем лучше) на тротуары, по которым в холодные солнечные дни ходят люди в габардиновых пальто; города, где нет собора⁹.

Но не будем судить поспешно. Давайте дождемся того дня, когда вдруг (а может быть, постепенно, хотя в это трудно поверить) обретет окончательную форму то, чего мы пока не видим, но что (мы почти уверены в этом) уже существует; когда затвердеет субстанция, которая сейчас вяло ползет по земле, и когда те, кто сейчас грустно смеется, прозреют и примут решение покинуть огромные конструкции из железа и бетона, предпочтя уединение в тесном пространстве собственных домов.

Отложив суждение до этого дня, давайте пройдемся по темным тавернам, где над полками с рядами бутылок висят бычьи головы со стеклянными глазами. Или пробродим всю ночь по улицам – Нунсио или Ла-Бола, – где еще можно отыскать следы прошлого и представить себе, каким мог бы быть этот город (а он мог быть совершенно другим). Или заглянем на большую площадь и понаблюдаем за гуляющими по ней солдатами. Или вечером проследим за тем, кто удаляется торопливыми легкими шагами – наверное, это миниатюрная нервная

⁶ Имеется в виду старинная испанская знать, не пожелавшая перебраться в Мадрид после объявления его столицей в 1561 году.

⁷ Аллюзия на стихотворение «Пролог» Федерико Гарсия Лорки: «Крепкий, с грацией // деревенского парня, // что одним махом перепрыгивает // реку».

⁸ Намек на изгнание евреев из Испании в 1492 году, вызвавшее в стране экономические трудности.

⁹ Кафедральный собор архиепархии Мадрида – Санта-Мария-ла-Реаль-де-ла-Альмудена – был заложен в 1884 году и закончен только в 1993 году.

девушка; обнимемся с пьяными, отрешившимися от реальности и пребывающими каждый в своем раю; улыбнемся, глядя на то, как вытягивается полицейский, когда мимо проходит женщина ростом выше его; спросим таксиста с желтыми кошачьими глазами, как обжудить продавца в магазине тканей; станем завсегдатаями ночного клуба, где великан-швейцар в зеленой ливрее начнет нас узнавать и, отечески улыбаясь, пропускать бесплатно; проведем полдня в маленьком кафе, где официантка за все время ни разу нам не улыбнется; будем притворяться, что пьем, но делать совсем маленькие глотки; скажем всем, что идем в кино, а сами отправимся в пансион, в свою комнату, где нас ждет кровать под красным покрывалом; поведем знакомую англичанку в музей живописи и обнаружим, что понятия не имеем, где висят картины, которые она хочет посмотреть, – знаем только, где найти «Менины»¹⁰; создадим новый литературный стиль и несколько вечеров подряд будем рассказывать всем в кафе, чем он отличается от остальных, пока сами вконец не запутаемся; станем заводить друзей не до гробовой доски и искать любовь меньше чем на одну ночь; будем ходить на студенческие балы, куда девушек пускают бесплатно; сосчитаем, сколько кремней продает за день карлик, что стоит на углу, и сколько билетов на метро продает холодным зимним утром женщина с младенцем на руках; выведем закон экономики, согласно которому торговка, что продает сигареты поштучно, получает достаточно, чтобы содержать любовников; задумаемся над тем, что заставляет слепых выходить на улицу даже в те дни, когда валит густой снег и дома свои покидают лишь те, кто собирается на премьеру¹¹. И попытаемся представить, как – боже мой! – как жили все эти люди в то время, которое они сами называют, хорошо зная почему, голодными годами.

И тогда нам станет понятно, что человек – это уменьшенная копия города, а город – это человеческое нутро, вывернутое наизнанку; что в городе человек не только находит свое предназначение и смысл существования, но и преодолевает множество преград на пути к его осуществлению; что отношения человека и города не сводятся к отношениям с людьми, которых он любит, или заставляет страдать, или эксплуатирует, – к тем, кто суетится вокруг него, запихивая ему в рот куски пищи, накидывая на его тело куски ткани, защищая его ступни изделиями из кожи, даря профессиональные ласки, смешивая для него изысканные коктейли за блестящей стойкой бара. Мы сможем понять, что думает город, мозг которого заключен в тысячах голов тысяч его жителей, объединенных общим стремлением: жаждой власти, благодаря которой продавцы фейерверков, мошенники, отирающиеся возле монастырей, держатели публичных домов, владельцы каруселей без электромоторов, деревенские парни, которых жители пригородов нанимают для участия в боях быков, сторожа на автостоянках, мальчишки, собирающие мячи в гольф-клубах, и бесчисленные чистильщики обуви – все включены в эту лучезарную сферу. Лучезарную не потому, что ее проектировал Ле Корбюзье¹², а саму по себе, без помощи архитектурных ухищрений, благодаря лишь ослепительно сияющему солнцу и ослепительному порядку, такому безупречному, что число уголовных преступлений, согласно самым достоверным данным, с каждым годом сокращается, и никто никогда не потеряется – на то он и город, чтобы в нем никто не терялся; человек здесь может страдать или умереть, но потеряться не сможет, даже если очень захочет, потому что каждый уголок этого города – идеальное место для того, чтобы найти потерявшихся: тысяча, десять тысяч, сто тысяч пар глаз смотрят на него, оценивают, узнают и обнимают, знают его имя и спасают его, помогают найти себя, когда ему кажется, что он окончательно потерялся в самом подходящем для себя месте – в тюрьме, в приюте, в полицейском участке, в психиатрической лечебнице, на операционном столе. Чело-

¹⁰ «Менины» («Семья Филиппа IV») – картина Диего Веласкеса, написанная в 1656 году. Хранится в музее Прадо.

¹¹ Аллюзия на пьесу испанского драматурга Антонио Буэро Вальехо (1916–2000) «В пылающей тьме» (1950), главными героями которой являются слепые. В год премьеры пьесы в декабре в Мадриде прошел сильнейший снегопад.

¹² Имеется в виду проект архитектора Ле Корбюзье «Лучезарный город» (1935).

век в городе – уже не деревенский, ты больше не похож на деревенского, парень, но всякий скажет, что ты из деревни, и какая разница, из деревни ты или нет, если ты такой же, как все?

3

Жизнь в деревне нелегка. Но какая тугая плоть бывает у деревенских, какая стать, какая походка! И как они умеют от души хохотать, когда и смешного-то ничего нет, или вздрагивают всем телом, когда вокруг все спокойно – светит солнце и воздух чист. Обманчивая красота юности, глядя на которую забываешь обо всех проблемах, еще детская грация, налитое (потому что в бедности и трудах прожито всего лишь пятнадцать-двадцать лет) тело и сияющие глаза часто сбивают с толку и создают впечатление, что все не так уж плохо, как на самом деле. Иногда привлекательность заключается не столько в самой красоте, сколько в грации, в ловкости и быстроте движений, и нелегко заметить, как то, что казалось живостью, все больше походит на хищничество; зато легко можно ошибиться, предположив, что застывший гипнотический взгляд говорит о страстном желании, в то время как он выражает неудовлетворенность.

4

«Мой муж мог бы оставить мне и побольше, но оставил только воспоминания, довольно, впрочем, приятные. Эти его пышные усы, темные глаза, воинственный вид! У меня не было ни минуты покоя, потому что мой красавчик не пропускал ни одной юбки. Хотя, думаю, эти шлюхи сами ему на шею вешались. Я даже представить себе не могу, что он стал бы их добиваться. Но как бы то ни было, он всегда умудрялся подцепить кого-нибудь, особенно когда надевал мундир. И все деньги тратил на то, чтобы еще как-нибудь себя украсить. Кроме этих воспоминаний и дочки – она у меня красавица, вся в отца и такая же отчаянная, жаль только, над верхней губой у нее темный пушок, он мне напоминает усы мужа, – мне осталась небольшая (триста двадцать пять с половиной песет) пенсия, которую государство дает за павших на поле брани, и медаль, но, согласитесь, этого все-таки слишком мало для двух женщин. Еще есть несколько фарфоровых фигурок. Муж привез их с Филиппин. Когда он там воевал, он был совсем молодой. Там он медали никакой не получил – из-за козней завистников. И хорошо еще, что перед тем, как отправиться на острова, он мне дочку заделал, ведь когда он вернулся, я уже не годилась для того, чтобы рожать. Нет, для любви – слава Господу! – я годилась, а вот забеременеть еще раз уже не могла. А мне так хотелось родить троих или четверых! Но этот кобель не удержался и спутался там с какой-то тагалкой¹³ – думал, что она юная и чистая, а эта дрянь наградила его дурной болезнью. А там даже помыться негде было, не говоря уже о чем-то другом. Он делал что мог, а когда стало совсем плохо, пошел к знакомому судовому врачу – к нему все ходили, кто в такие истории попадал, и он всех лечил. Он бы и мужа моего вылечил, да было уже поздно. Вот и осталась у меня одна Карменсита. Ей было уже двадцать восемь, когда его все-таки убили в марокканской заварухе. Кроме фарфоровых фигурок и болезни, он привез с Филиппин пять вееров и три шелковые шали. На одной – райские птицы, на другой – диковинные цветы, а на третьей – узкоглазое лицо, что странно, конечно; такой рисунок на шали наверняка очень редко встретишь, потому-то он мне ее и привез: муж был сумасбродом и обожал все чудное. Мне кажется, он вообще был немного чокнутый, и приструнить его было невозможно. Вечно торчал в казино, вечно пил больше, чем следовало, выставлял напоказ свою красоту, хвастался тем, что превосходит других почти во всем, а уж в постели ему точно не было равных, что я лично могу подтвердить, хотя уверена, что эти свои способности он гораздо чаще проявлял на стороне, чем дома, где он мне, законной супруге, врал почему зря, а я слушала его рассказы и верила всему как дура. Я так и не смогла оправиться от этой потери, и дочка моя тоже: она, бедняжка, осталась без общества, потому что ее некому было представить, а когда с ней то несчастье приключилось, она еще и без мужа осталась, потому что не было у нее ни отца, ни старшего брата, которые заставили бы эту свинью, ее жениха, поступить по чести, хотя, правду сказать, я не жалею, что он бросил мою дочку, – этот мерзавец испортил бы ей жизнь и она скатилась бы на самое дно. Боюсь, он даже стал бы наживаться на доставшейся ей от отца красоте – не слишком женской, хотя мужеподобной моя дочка не выглядела, – так привлекавшей всех мужчин, которые ее видели. Времена тогда были ужасные, люди совсем совесть потеряли: женились без церкви и разводились. А потом, в голодные годы, он стал бы подкладывать ее в постель то к одному, то к другому, да и она сама – чего уж тут скрывать, вся в отца – не могла бы спокойно жить одна, и я это понимаю, тем более что есть мужчины вроде моего мужа, перед которыми ни одна не устоит, и моя бедная дочка тоже не устояла бы – таким уж темпераментом наградила ее отец, да и ваша покорная слуга тоже, слава богу, не из камня. Так что, думаю, нам было легче вдвоем, к моей пенсии иногда еще что-нибудь перепадало – все лучше, чем если бы у нас на шее сидел этот паразит, отец моей внучки.

¹³ *Тагалы* (тагалыцы) – народность, проживающая на Филиппинах.

Даже не знаю, как такая красавица могла родиться от такого отца, который и на настоящего мужчину-то не был похож – так, тряпка с манерами тореадора или цыганского танцора и, по моему, даже немножко из этих, кому мужчины нравятся. Но может быть, моя дочь выбрала его как раз потому, что он не был похож на ее отца, которого она в детстве боялась, потому что не раз видела, как он меня колотил, а я, хоть и была сильная, не могла ему ответить – такую власть имел надо мной муж. Вот моя дочь и выбрала этого полумужчину, которого могла бы держать в кулаке или гнуть в дугу, когда ей вздумается. Но его хватило только на то, чтобы лишить ее девственности – надо сказать, уже изрядно поеденной молью, – да произвести на свет это сокровище, мою внучку, которой уже девятнадцать и она такая красавица, что даже у меня сердце замирает, когда я на нее смотрю, потому что я всегда была очень чувствительна к красоте, да к тому же это моя кровь, и мне это очень приятно. Нужно признать, что быть дочерью женственного отца – совсем неплохо: моя внучка куда более утонченная, чем ее мать с сильными руками, горячим темпераментом и темными усиками. Ничего не скажу, она очень привлекательна, если не обращать внимания на фигуру, негибкую талию, жестковатые черты лица и походку. Кроме пенсии в триста двадцать пять с половиной песет, дочери и внучки, филиппинских безделушек и расписных шалей, четырех стульев красного дерева в столовой, платяного шкафа с зеркалом и высокой супружеской кровати в стиле ампир, муж не оставил мне ничего, так что мы решили открыть пансион, задешево арендовав большую квартиру в хорошем месте – в самом начале улицы Прогресо, а это близко от неблагополучных кварталов, однако все же не настолько, чтобы нельзя было найти приличных жильцов. Но нужна была мебель, а денег у меня не было, и пришлось обойти всех друзей мужа, тех, кого не убили – а таких бедняг было немало, – когда случилось то несчастье; тех, кто нашел способ остаться в стороне. На их помощь я и рассчитывала, потому что они легко могли представить себя на месте убитого, а на месте одетой в черное, скрывающей лицо под густой вуалью безутешной вдовы (именно так я старалась выглядеть) – собственную жену, хотя я не была до конца уверена, что это произведет на них впечатление, потому как мало найдется семей, где муж и жена были бы так привязаны друг к другу, как мы с мужем. Он-то был мужчиной, уважал меня, понимал, что законная жена – совсем не то что грязные шлюхи, с которыми он не упускал возможности развлечься там, на островах, за тысячи миль от дома. Денег у друзей мужа было не много, почти все получали гроши, и я, чтобы разжалобить их, откидывала вуаль, и они могли видеть мое залитое слезами благородное лицо – глаза я слегка подкрашивала голубоватой сажей, а на кожу наносила толстый слой рисовой пудры, чтобы лицо было белым и казалось бескровным, потому что, к сожалению, цвет кожи у меня прекрасный, и мужу это нравилось: он говорил, что это признак темперамента, – он был не такой, как эти извращенцы, жертвы моды, предпочитающие бледных девиц, которые пьют для этого уксус, хотя и без него были бы такими же, потому что у них у всех малокровие. Дочку я брала с собой и, хотя она была уже совсем взрослая, одевала ее, как девочку, в короткие юбки, и мужчины, глядя на ее икры, волновались – не потому, что у них возникало желание, а потому, что понимали: она привлекательна и, если нам случится впасть в нищету, может стать жертвой похотливых развратников. Сердца их смягчались еще больше, и некоторые даже обещали, вдобавок к сумме, которую вручали вдове хорошего друга, останавливаться только в моем пансионе всякий раз, как будут приезжать в город, и сдержали свое обещание, так что первое время – а оно всегда самое трудное – недостатка в клиентах у нас не было. Понятно, что многие из них давали очень мало, то, что им удавалось скопить или занять, в среднем примерно половину месячного заработка – ничтожные суммы для открытия пансиона, который я хотела сделать более-менее роскошным, чтобы в нем жили постояльцы, соответствовавшие моему тогдашнему положению вдовы героя, хотя после истории с моей дочерью этот ореол начал тускнеть, а потом и вовсе исчез. Тогда же утратил престиж и пансион, что постепенно приходил в упадок. Мебель потеряла блеск, шторы и гардины выцвели, ковры истерлись, картины поблекли. И жильцы теперь

были совсем другие. Из-за частых визитов тореадора-танцора-гомика, о котором я говорила, съехали две семьи служащих Министерства внутренних дел, которые до этого были самым надежным подтверждением престижа заведения. Это были две бездетные пары, и я показывала сеньорам альбом с фотографиями, оставшимися на память о муже, пропуская те, где он был снят с тагалскими шлюхами, – муж, шутник, подарил мне эти снимки, чтобы я понимала, какие женщины ему больше нравятся, и видела, как они все на него вешаются. К тому времени мой характер изменился. Я уже не была такой жесткой и решительной, как вначале, когда пансион процветал и я с легкостью убеждала друзей мужа давать мне, порядочной женщине, вдове героя, деньги на то, чтобы латать очередную дыру в бюджете, возникшую из-за моего неумения вести дела. Тогда же я начала пить и особенно пристрастилась к рому „Негрита“, и чем больше спиртного употребляла, тем менее бдительной становилась, и все чаще в дом проникал этот подлец-жених, уверенный, что найдет здесь не только белые бедра моей дочери, но и тайник с парой-другой унций заморского золота, в чем он, конечно, сильно ошибался. А ведь он иногда казался мне неплохим парнем в то ужасное время, когда я каждый день заливала рюмкой-другой свое горе, – у меня тогда прекратились месячные, а это означало конец моей и без того незадавшейся женской жизни. Для меня это было большим ударом, и я искала хоть какого-нибудь утешения, даже этот танцор мне нравился, потому что он был такой любезный, кокетничал со мной, льстил и иногда приносил бутылку. Зная слабость моего характера и понимая, что у меня сейчас трудное время, он был уверен, что в моем доме всегда найдется что съесть и выпить и с кем переспать, как потом оказалось. Но как же больно мне было смотреть на дочь, любимую, цветущую, полную жизни, смотреть на свое повторение – потому что для меня смотреть на дочь было все равно что смотреться в зеркало – и видеть в ней собственную умирающую красоту! Мы уже не одевались в черное, как в те времена, когда ходили просить деньги на обустройство пансиона, и я, чтобы соблюсти приличия, сопровождала этих двоих, когда мерзавец вел мою дочь туда, куда ее одну я с ним никогда не отпустила бы: в заведения с сомнительной репутацией, где, однако, так весело было, приняв стаканчик-другой, понаблюдать за жизнью мужчин, какую наверняка вел и мой покойный муж. Однажды, сопровождая дочь (не спасло ее это чертово сопровождение!), я попала на вечеринку фламенко. Танцор привел туда своих дружков, и некоторые из них, когда я была уже изрядно навеселе – хотя вдребезги я никогда не напивалась, – начали ко мне приставать. Щипали, говорили сальности, а у меня дрожь пробегала по спине, как в те времена, когда покойный муж возвращался тихонько ночью, забирался ко мне в постель и кусал меня за плечо, а я просыпалась не сразу и во сне видела себя нежной тагалкой, которую пожирает каннибал. Однажды я сделала глупость: показала женам министерских работников те самые фотографии тагалок с голыми сиськами. „Вы видите, – сказала я, – что им до меня далеко, но, хотя я и лучше, мой покойный муж...“ Они страшно возмутились, заявили, что немедленно покидают наш пансион, и начали читать мне нотации. А тут еще из спальни дочери донесся придушенный крик, дверь распахнулась, и на пороге показалась она сама в ночной рубашке. „Мама, мне плохо! Мне приснился ужасный сон, мама!“ Вот уж не знаю, что тут могло кого-то шокировать – обычная истерика сексуально неудовлетворенной (я по глупости тогда не обращала на это внимания) женщины, но обе дамы окончательно укрепились в своем решении съехать из пансиона. Все друзья танцора были, как и он, больше похожи на женщин, чем на мужчин. Все были невысокие, ниже меня ростом, говорили на андалузском диалекте и прекрасно умели отбивать ритм ладонями – единственное, что нам в них нравилось, потому что ни умом, ни воспитанием они не отличались. Но в заведениях, где танцуют фламенко, больше всего ценится как раз умение отбивать ритм, и именно оно доставляет посетителям наибольшее удовольствие. Моя дочь освоила это искусство очень быстро, а я так и не смогла. И все-таки это было хорошее время, хотя в глубине души я сознавала, что и пансион, и мы сами скатываемся все ниже. Но развлечения помогали мне забыть о желании, которое все еще вызывал у меня покойный муж, и о том, что я перестала

быть женщиной, хотя раньше это казалось мне ужасной трагедией и я не представляла, как буду жить после этого, как буду переносить тяготы жизни, лишившись единственного утешения. Я надеялась только на ром „Негрита“ или, если желудок выдержит, на что-нибудь покрепче. Теперь, когда все закончилось и я окончательно превратилась в бревно, я знаю, что все можно пережить. Я совсем не пью, я стала любезнейшей из хозяек, что немного утомляет и меня, и жильцов, но, возможно, принесет пользу нашему девятнадцатилетнему бутончику, которого я постараюсь уберечь от тех ошибок, от которых не уберегла дочь, потому что была занята переменами в своем организме, доводившими меня до безумия. Мир виделся мне в искаженном свете, а остатки разума рисовали пугающую картину: скоро дверь закроется, все закончится и жить дальше будет незачем. Моя бедная дочь наверняка понимала, что с ее матерью не все в порядке, но ей больше не на кого было опереться, и, когда танцор понял, что на заморское золото рассчитывать не стоит, что пансион опустел, а живот у моей девочки растет с каждым днем, он сбежал, оставив нас одних в тяжелую минуту. Но я была даже рада: я не хотела, чтобы он увел с собой дочку, к чему бедняжка наверняка была уже готова. Я напомнила ей, чем она обязана своей матери, которая жертвовала всем ради нее, и убедила, что лучше ей заняться воспитанием нашей прелестной малышки и делами пансиона, который к тому времени изрядно обветшал и все, чем я так старательно украшала его, вышло из моды, но в котором честные люди все же могли найти кров, стол и покой. Жильцы теперь были другие, но мы с дочерью учили прошлые ошибки и старались во всем угождать им. Дочь тоже объявила себя вдовой и снова оделась в черное, что ей, кстати, очень шло, так что мужчины по-прежнему проявляли к ней интерес, только теперь ее успехи стали куда менее скандальными, куда более скрытыми и приносили гораздо больший доход, так что она имела право гордиться тем, что вносит вклад в образование и воспитание моей драгоценной внучки, которая, как я уже говорила, превосходит в женственности нас обеих, что неудивительно с таким-то отцом, и когда мы смотрим на нее – красавицу, как и мы, с такой же горделивой осанкой, как у нас, и притом такую женственную, не в пример нам, – мы льем слезы умиления и не знаем, кому из святых молиться, чтобы с этим чудом, дарованным нам, несмотря на все наши грехи, не случилось ничего дурного, чтобы нежный бутон раскрылся до конца и плод был бы великолепным, таким, какого она заслуживает».

5

О, в каком прекрасном настроении начали двое коллег свой путь к знаменитым трущобам, во владения кролиководы и мышеведа Муэкаса! Как слаженно двигались, пробираясь сквозь мадридскую толпу, молодой исследователь и его помощник – два друга, которым не было дела до обусловленных происхождением социальных различий. Им не мешала беседовать разница в уровнях культуры, их не смущали взгляды тех, кто удивлялся несходству их манер и одежды. А все потому, что у них были общий проект и общая цель (вот только интерес у каждого свой) – убедиться в том, что у Муэкаса действительно есть мыши из особого штамма, наследственные носители спонтанных раковых образований, возникающих в паховой складке и неизменно приводящих к смерти животного; хотя, прежде чем это произойдет, мыш, достигнув репродуктивного возраста, успевает произвести потомство – множество животных, наделенных, как и человек, печенью, поджелудочной железой, надпочечниками и Винсловым отверстием, что впоследствии может стать поводом для научных размышлений, которые, возможно, приведут к выявлению причин страшного заболевания.

Было прекрасное мадридское утро, одно из тех, когда простодушное до цинизма небо пытается заставить всех забыть о том, что творится на земле. По улицам, недавно вымытым муниципальными рабочими, по сверкающему граниту, привезенному когда-то из далеких гор Сьерра-де-Гвадаррама и превращенному целой армией неутомимых каменотесов в квадратные плитки, уложенных затем сложным способом с помощью воды, песка и железного прута (позднее, когда это ремесло пришло в упадок, стали использовать жидкий цемент), текли людские потоки – люди разных профессий, плохо одетые, почти все небритые, в костюмах бледно-фиолетовых, нежно-коричневых и серо-зеленых тонов, которые кажутся в этом городе настолько блеклыми и унылыми, что это нельзя объяснить исключительно бедностью жителей, слишком редко обновляющих свой гардероб. Возможно, дело также в химическом воздействии богатого озоном воздуха и физическом воздействии слишком яркого света, который нечернокожим трудно переносить в течение долгого времени. Им следовало бы носить одежду из хлопковой ткани, рубиново-красного, бирюзово-голубого или желтого цвета, с крупными пятнами или ярким рисунком, что подчеркнуло бы достоинства женской фигуры и сделало бы лица мужчин менее бледными. Вот о чем размышлял дон Педро. Но он не делился этими мыслями с Амадором, так как тот вряд ли смог бы участвовать в обсуждении хроматографических законов и предложил бы вместо этого выпить бодрящей жидкости в любой из многочисленных таверн, что встречались им на пути. Сознывая, что ученый не одобрит эту ненаучную идею, Амадор решил подождать более удобного момента – когда на лбу его спутника выступят капельки пота или у него начнется одышка.

Толпа, опровергая укorenившееся представление о лени и безответственности местных жителей, быстро двигалась по улице Аточа от площади Антона Мартина, неподалеку от которой находился пансион – темная берлога, куда каждый вечер забирался и откуда каждое утро выползал дон Педро. Этим утром, вытаскивая исследователя из полумрака пансиона, Амадор успел заметить, что о его начальнике тут очень заботятся: зажатая в белой руке щетка прошла по его плечам, толстые губы на обеспокоенном лице предупредили о том, что солнце особенно вредно на открытых пространствах и что нужно опасаться насекомых, с легкостью меняющих хозяев, а потом посоветовали, на каком трамвае лучше ехать; чей-то нежный голосок пропел модную песенку – слушая ее, исследователь мечтательно улыбался, причину чего он, как полагал Амадор, и сам пока не осознавал.

– У тебя там клетка? – спросил дон Педро, указывая на сверток под мышкой у Амадора.

– Да, – ответил Амадор, не задумываясь о бесполезности ответа, ибо какой еще продолговатый предмет такого размера и веса он мог нести под мышкой в это жаркое утро? Клетка

была завернута во вчерашнюю газету, дабы скрыть от чужих глаз доказательства существования прародителей тех мышей, которые были сейчас так нужны и которые, как справедливо полагал Амадор, выжили только благодаря ему.

Женщины спускались и поднимались по склону, у подножия которого находилась площадь Глориета с ее всегдашним скоплением автобусов, трамваев, такси, ручных тележек, торговцев, регулировщиков, попрошаек и прочей публики, непонятно для чего собравшейся здесь: поезд, который вот-вот должен был подойти, их не интересовал, посещение расположенного неподалеку музея живописи в их планы явно не входило, да и санитаров, которые уложат их на носилки и доставят в монументальное здание близлежащей больницы, они совершенно точно не ждали. Ни на одну из встречных женщин дон Педро даже не посмотрел: казалось, он все еще был во власти воспоминаний о белой ручке и нежном голосе, принадлежавшем не одной, а двум особам женского пола, которых он по вине Амадора недавно покинул. Амадору же ничто не мешало смотреть на женщин. Он был уверен в своей тысячекратно подтвержденной еще в ранней юности мужской неотразимости, для которой ничто не могло послужить препятствием: ни его наряд, с точки зрения колористики еще более странный, чем одежда мужчин, заполнивших в этот час улицы, ни странный сверток под мышкой – тайна его содержания даже усиливала интерес к владельцу, – ни явно подчиненное и даже подневольное положение по отношению к его задумчивому спутнику, ни некрасивое лицо с трехдневной щетиной. Поэтому он бросал многозначительные взгляды и отпускал комплименты каждой девушке, попадавшей им по пути, даже если сразу было видно, что она намного образованнее, состоятельнее и привлекательнее его. Дон Педро не обращал никакого внимания на выходки подчиненного и, закончив бессознательно смаковать воспоминания о сокровищах, оставшихся в берлоге-пансионе, готовился к встрече с вождельными «объектами эксперимента», размышляя о возможных последствиях вырождения штамма *MNA*, вызванных почти неизбежным неблизкородственным скрещиванием вместо близкородственного, а также условиями содержания, совсем непохожими на иллинойские, и невообразимой диетой, с помощью которой Муэкас поддерживал жизнь (если, конечно, у него действительно были живые особи) в этих замечательных животных. Состав диеты зависел от многих факторов: от доходов Муэкаса и членов его семьи, от аппетита Муэкаса и его супруги, от того, насколько добросердечны были его уже менструиовавшие дочери, от того, какие растения преобладали в данной местности в каждое время года, а главное – от состава мусора, привозимого на расположенную неподалеку (всего в трех километрах от лачуги Муэкаса) свалку семейным кооперативом мусорщиков, с которым Муэкас договорился о передаче ему пищевых отходов. Порода суперживучих мышей-дегенератов, способных выжить даже в условиях провозглашенного Муэкасом нового курса¹⁴ на жесткую экономию, – да таким мышам цены нет! Как все-таки пластична живая материя! Всегда преподносит сюрпризы тем, кто умеет видеть. Сколькими новыми породами скворцов мы могли бы заселить еще сохранившиеся леса архипелага! А какие невероятные возможности открылись бы, если бы одна (хотя бы одна) из половозрелых толедских девушек, ухаживая за мышами, заразилась бы пахово-подмышечным раком, несвойственным людям ее возраста и никогда не встречавшимся у человека! Это наконец-то доказало бы возможность передачи заболеваний через вирусы, тогда как раньше считали, что болезнь передается по наследству – только потому, что гаметы, зараженные *ab ovo*¹⁵, еще до жизни, до размножения, до появления у родителей вызывающих тревогу опухолей, наделенные неограниченным латентным бессмертием, преодолевают пропасть между поколениями и привносят свое вещество со смертоносными включениями в оплодотворенную яйцеклетку.

¹⁴ Аллюзия на «новый курс» президента США Ф. Д. Рузвельта в 1930-е годы.

¹⁵ *Здесь: с самого начала (лат.).*

Но пока неутомимый исследователь мог только вообразить себе удивительных мышей: на улице Аточа, по которой шагали они с Амадором, не было ни одной мыши, здесь можно было увидеть лишь некрасивых мужчин и привлекательных женщин. Идти было легко – дорога шла под уклон, и это ужасно огорчало Амадора: слишком мало надежды на то, что мыслитель устанет и захочет остановиться возле какой-нибудь таверны внизу – там, где бурлит и шумит Глориета и откуда доносится пьянящий аромат жареных кальмаров, приготовленных в том же оливковом масле, в каком их жарили день, два, три, а то и пять дней назад. В результате интенсивного обжаривания вредные вещества, образующиеся поначалу при гниении кальмара, улетучиваются, и блюдо становится безопасным, а благодаря высокой калорийности кипящего оливкового масла – вкусным и питательным, превращаясь в деликатес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.